

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭЛЕМЕНТОВ КОГНИТИКОНА
РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ ЛИЧНОСТЕЙ,
АКТИВИРОВАННЫХ В ПРОЦЕССЕ СВОБОДНЫХ
АССОЦИАТИВНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ
СТИМУЛАМИ-ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ*

На материале свободных ассоциативных экспериментов с носителями русского языка (проведенных сотрудниками Института русского языка и Института языкознания РАН) и аналогичных по своим характеристикам свободных ассоциативных экспериментов с носителями болгарского языка (проведенных мной) можно наблюдать, кроме фрагментов лексикона, элементы когнитикона и прагматикона языковой личности¹. Полученные данные подвергаются сопоставлению. Целью анализа в предлагаемой работе является выведение сходств и различий в элементах когнитивного уровня русской и болгарской языковых личностей, активированных в сознании испытуемых лиц (носителей соответствующих языков) конкретными стимулами-прилагательными.

Следует особо оговорить то обстоятельство, что в данном случае речь идет именно об элементах, а не о целостном представлении когнитивного уровня, так как последнее не может быть осуществлено только на материале свободных ассоциативных экспериментов и не входит в наши задачи. Однако выделить определенные знания и опыт носителей обоих языков, которые тем или иным образом связаны с употреблением исследуемых прилагательных, и сопоставить их представляется весьма интересным и полезным.

Выделяется несколько типов структур (ср. [Караулов 1992: 42–48]), в которых находят свое языковое выражение единицы когнитивного уровня: идиоматические выражения, генерализованные высказывания, наглядно-образные представления, конкретно-образные представления, типичные сравнения, типичные носители признака,

* Опубликовано в: Лингвистические и культуроведческие аспекты русского языка в сопоставлении с родным. Пловдив, 1997. С. 16–22.

¹ См. [Караулов 1987], [Караулов 1993] и другие работы этого автора.

типовые ситуации, тематические группы. И если на уровне лексиконов языковых личностей мы интересуемся тем, *как сказано* в русском и соответственно в болгарском языке, то в данном случае предстоит искать ответ на вопрос *что сказано* (ср. [Караулов 1992: 32]), поэтому не будем сопоставлять семантико-грамматические особенности идиоматических выражений или прецедентных текстов, например, в материалах на обоих языках, а, насколько это возможно, прокомментируем замеченные сходства и расхождения в элементах знаний, «стоящих за» зафиксированными языковыми выражениями.

Далее, останавливаясь на конкретных примерах, представим упомянутые уже типы структур.

Так, например, в ходе свободных ассоциативных экспериментов на стимулы р. ВЕСЕЛЫЙ и б. ВЕСЕЛ были получены наряду со многими другими и реакции соответственно р. клоун и б. клоун, смешник. Испытуемые лица отреагировали таким образом, по всей вероятности, в желании выразить в языковой форме свою точку зрения, свои знания, связанные в их памяти с указанным свойством, и привести названия типичных (по их мнению) представителей признака. Эта гипотеза находит свое подтверждение и в результатах других экспериментов². Следует обратить внимание на тот факт, что в нашем

² Ср. замечание Дж. Лакоффа: «Люди классифицируют вещи совсем не так, как это делается в лингвистических моделях. Как показала Элеонор Рош, двумя центральными понятиями при категоризации являются прототип и объект базисного уровня. Согласно Рош, категории определяются свойствами прототипических объектов этих категорий. Например, степень соответствия некоторого существа категории «птица» – это функция от тех свойств, которые это существо разделяет с такими прототипическими птицами, как воробей, малиновка и т.п. (Под свойством я понимаю «свойство, релевантное с точки зрения человека», то есть перцептуальные свойства, функциональные свойства, моторно-программные свойства, целевые свойства и т.п.). Категории, которые не являются фундаментальными с теоретической точки зрения, являются, как показали многочисленные эксперименты, психологически «базисными». Хотя СОБАКА и СТУЛ с теоретической точки зрения... не являются фундаментальными, психологически они относятся к базисному уровню, то есть в них максимально сконцентрированы релевантные для человека свойства. Так, СОБАКА и СТУЛ имеют зрительные прототипы, тогда как МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ и МЕБЕЛЬ их не имеют» [Лакофф 1981: 356–357]; ср. также у И. Хофмана: «Некоторые объекты воспринимаются человеком как

эксперименте, в отличие от упомянутых, ответы испытуемых демонстрируют как бы «обратную» связь: не «объект – соотносимый с ним набор свойств», а «свойство – соотносимые с этим свойством объекты».

Такого типа реакции отмечены почти во всех ассоциативных статьях в материалах на русском и на болгарском языках. Следует подчеркнуть, что везде зафиксировано сходство, а именно: р. ДЕРЕВЯННЫЙ – *дерево, доска* и б. ДЪРВЕН – *дърво, дъска*; р. ДОРОГОЙ – *золото* и б. СКЪП – *злато*; р. МОЛОДОЙ – *девочка, девушка, юноша* и б. МЛАД – *девойка, момиче, юноша* и т.п. При этом наблюдаемое сходство (ср. совпадение вербального выражения знаний) убедительно показывает близость русской и болгарской языковых картин мира (в отношении употребления исследуемых прилагательных). Это видно из уже приведенных примеров; ср. также р. ТЯЖЕЛЫЙ – *железо, штанга* и б. ТЕЖЪК – *желязо, щанга* (казалось бы, столько других «тяжелых вещей» вокруг нас); р. СИЛЬНЫЙ – *боксер, спортсмен* и б. СИЛЕН – *боксьор, спортист* (по-видимому, не только образы боксера и спортсмена в сознании носителей обоих языков связаны с представлениями о силе, но показателен тот факт, что испытуемые лица именно это привели в качестве реакции) и т.п. Иными словами, на фоне, так сказать, универсальных представлений об определенных свойствах близкое родство языков и культур приводит к высокой степени совпадения в конкретном вербальном воплощении.

В тесной связи с реакциями этого типа находятся реакции, которые вместе со стимулом образуют идиоматические выражения, содержащие типичные для носителей соответствующего языка сравнения, например: р. БЫСТРЫЙ – *как ветер*; р. ГИБКИЙ – *как ветка, как змея, как лоза*; р. ГОРДЫЙ – *как орел* и б. ГОРД – *като орел*; р. КИСЛЫЙ – *как лимон, как уксус* и б. КИСЕЛ – *като лимон, като оцет* и

более типичные представители понятия, чем другие. Воробей – более типичная птица, чем утка; молоток – более типичный инструмент, чем рубанок...» [Хофман 1986: 65]; ср. также результаты экспериментов в [Петренко 1988] с целью реконструкции образов-типажей, например, образ-типаж психолога очерчен испытуемыми в границах следующих характерных свойств – сложный, умный, интересный, гордый, принципиальный и остроумный.

т.п. Типичные сравнения характерны для ассоциативных статей как русских, так и болгарских прилагательных, причем в большинстве случаев отмечается сходство. Однако можно наблюдать и примеры типа р. БЕЛЫЙ – *сахар, медведь* (ср. р. *белый как сахар, р. белый как медведь*), которые носитель болгарского языка, изучающий русский язык как иностранный, не может не понять, но буквальные соответствия (*бяло като захар; бял като мечка*) в болгарском языке не употребительны.

Точки соприкосновения с типичными сравнениями имеют так называемые генерализованные высказывания (житейские правила, сентенции, дефиниции и т.п.). На исследуемом материале их количество невелико (всего 9), и почти во всех случаях они заданы в форме *синтаксического примитива*³, от которого путем одной восстановительной операции получаем существующую в ассоциативно-вербальной сети только в свернутом виде сентенцию, дефиницию и т.п. Приведем примеры: р. ГОРДЫЙ – *уступает* (ср. р. *Гордый никогда не уступает*); р. ГОРДЫЙ – *прав* (ср. р. *Гордый всегда считает, что он прав*); р. ГОРДЫЙ – *высоко* (ср. р. *Гордый смотрит высоко*); р. ПОМОГАТЬ – *старый* (ср. р. *Следует помогать старым*); б. ПРОСТ – *народ* (ср. б. *Прост народ – слаба държава*); б. ПРОСТ – *вечен* (ср. *Простото е вечно*); б. ЛОШ – *съветник* (ср. б. *Любовта е лош съветник*); б. МЛАД – *в разцвета на силите си*; б. ПРИЯТЕЛ – *добър съвет* (ср. *Приятелят винаги ще ти даде добър съвет*).

Другой формой «хранения и актуализации знаний в сознании носителя языка являются наглядные «картинки», мысленное воспроизведение образа предмета» [Караулов 1994б: 198]. В материалах ассоциативных экспериментов наблюдается их вербальное воплощение. Интересно отметить, что логично ожидать появления таких «картинок» в качестве реакций на стимулы-существительные, глаголы, однако, как показывают результаты интерпретации нашего материала, они встречаются довольно часто для иллюстрации (визуальной, слуховой, осязательной) свойств, называемых прилагательными, представляя при этом их в виде весьма «ощутимого» образа, например: р. ВОЕННЫЙ – *солдаты у пушек*; р. ИЗВЕСТНЫЙ – *писали в га-*

³ См. об этом в [Караулов 1993: 86, 191 и др.].

зетах; р. ИНОСТРАННЫЙ – *оттуда*; р. ИНТЕРЕСНЫЙ – *сидят и слушают*; р. ПОЛНЫЙ – *круглый, округлый*; р. РАКЕТНЫЙ – *гул, дым, звон, огонь*; б. ГОРД – *красива високомерна жена*; б. НИСЪК – *с трътлести крака*; б. ПЪЛЕН – *закръглен*; б. РАКЕТЕН – *дим, мрак, облак*; б. ШУМЕН – *улица с много движение и хора* и т.п. И если в случаях, как указанные, нет тождества образов (за исключением р. РАКЕТНЫЙ – *дым* и б. РАКЕТЕН – *дим* /зрителен образ/, а также, например, р. ТЕМНЫЙ – *ничего не видно* и б. ТЪМЕН – *нищо не се вижда* /зрителен образ/; р. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ – *тарактит* и б. ЖЕЛЕЗОПЪТЕН – *трака* /слухов образ/ и т.п.), то это не означает принципиальную невозможность появления таких же образов (так, для носителя болгарского языка не будет чужим образ, связанный с б. ИНТЕРЕСЕН, б. *седят и слушат*, или же образ, связанный с б. ИНТЕРЕСЕН, б. *писаха по вестниците* и т.п.; носитель русского языка может связать образ р. *красивая високомерная женщина* с р. ГОРДЫЙ и т.п.). Встречаются, однако, и такие наглядно-образные реакции, которые для носителя другого языка будут непонятны, например: для русского человека образ деревни испокон веков связывается с деревянными домами (из ассоциативной статьи р. *и деревянный* [R]), в то время как носителю болгарского языка такой образ не свойствен, так как в болгарских деревнях типичны кирпичные дома; болгарин не соотносит «кислый» с «козлом» (см. в ассоциативной статье р. КИСЛЫЙ), для него образ – специфический запах козла, ощущаемый как кислый, – чужд. Станным для носителя болгарского языка, изучающего русский язык, покажется связь р. ГОРДЫЙ [- *это*] *гусь*, так как для него образ гуся соотносится с глупостью, а не с горделивостью (ср.: б. *глунав като гъска*), и результатом может быть ошибочное понимание.

Наряду с такого рода реакциями, которые являются языковым выражением наглядных представлений, известных в принципе всем носителям данного языка, нами были выделены и реакции, которые являются выражением определенных конкретных образов, имеющих в памяти конкретного испытуемого лица, например: р. СИЛЬНЫЙ – *Саша*; р. ПРОСТОЙ – *Сергежа*; б. НИСЪК – *Димитър*; б. ВОЕНЕН – *баща ми*; б. ПЪЛЕН – *приятелката ми* и т.п. Стоит только выделить

случай б. ТЪМЕН – *Университета*, который занимает как бы промежуточное положение. Вряд ли всем носителям болгарского языка будет понятна эта «картинка», но для тех, кто учится или учился в Софийском университете, она ясна (днем, когда не горят лампы, естественный свет, проникающий из окон, недостаточен, и складывается впечатление о «темном» университете). Понятно, что о собственно сопоставлении в данном случае речи не может быть, но стоит отметить, что, если носители русского языка предпочитают отреагировать именами собственными, то носители болгарского языка – именами нарицательными в сочетании с притяжательным местоимением, которое, в сущности, своеобразным способом несет информацию о конкретном образе.

Близки к наглядно-образным и реакции типа р. ДОРОГОЙ – *деньги*; б. ЖЕЛЕЗОПЪТЕН – *закъснение* и т.п. Они, «также как предыдущие единицы, представляют собой ментальную структуру. В ней фиксируются характерные признаки типовых общепринятых ситуаций, которые в вербальном воплощении задаются выразительным словом или словосочетанием, позволяющим слушателю (интерпретатору) «достроить» ситуацию, восстановив недостающие узлы схемы» [Караулов 1994б: 199]. Так, р. ДОРОГОЙ – *деньги* (типичная ситуация «купля-продажа»); р. ВЫСОКИЙ – *усталость* («подниматься на гору»); р. ОЧЕРЕДЬ – *белыми* («игра в шахматы»); р. ЗНАКОМЫЙ – *встреча, час* («встреча») и б. ПОЗНАТ – *поздрав* («встреча»); р. СИЛЬНЫЙ – *гири* («тренировка») и б. СИЛЕН – *бокс, канадска борба* («тренировка»); р. ЦИЛИНДРИЧЕСКИЙ – *рисование* («на уроке») и б. ЦИЛИНДРИЧЕН – *математика, геометрия* («на уроке») и т.п. Зафиксированные на всем материале русского и болгарского языков реакции подобного рода не привели к «достраиванию» ситуаций, которые были бы непонятны для носителей другого языка, а из приведенных примеров видно, что в некоторых случаях наблюдается даже совпадение типовых ситуаций, активированных соответствующими стимулами в памяти носителей обоих языков.

В ходе ассоциативных экспериментов активируются и такие области ассоциативно-вербальной сети, о которых можно сказать, что они тематически связаны со стимулом-прилагательным, образуя при

этом так называемые «тематические группы». Например: р. ВОЕННЫЙ – *генерал, лейтенант, полковник, офицер, солдат* и б. ВОЕНЕН – *полковник, солдат* (тематическая группа «Воинские звания»); р. ДЕРЕВЯННЫЙ – *дерево, дуб, лист* и б. ДЪРВЕН – *дърво, корен, листо, дъб* (тематическая группа «Дерево»); р. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ – *вагон, перегон, перрон, поезд, путь, рельсы, шлагбаум, шпалы* и б. ЖЕЛЕЗОПЪТЕН – *вагон, влак, колело, релси* (тематическая группа «Железная дорога»); р. БЕЛЫЙ – *буран, вьюга, метелица, метель, пурга* (тематическая группа «Снежная буря») и т.п. Как видно из примеров, в большинстве случаев наблюдается совпадение между активированными в эксперименте с носителями как русского, так и болгарского языков тематическими группами, хотя существуют некоторые незначительные различия в конкретном составе тематических групп. Расхождения другого типа наблюдаются в случае с группой «Снежная буря». Отсутствие соответствия в материале на болгарском языке свидетельствует о том, что нетипичность указанного природного явления для климата Болгарии влияет на активацию (точнее, неактивирование) соответствующей тематической группы стимулом б. БЯЛ.

В исследуемом материале на обоих языках выделяется группа ассоциативных пар, в которых актуализируется информация из области культуры. «Совокупность сведений, которые принято относить к культуре в широком смысле этого слова, составляет необходимую часть владения языком. Она создает тот самый апперцепционный фон, или апперцепционную базу, что с большей экономией языковых средств и интеллектуальных усилий обеспечивает, наряду с грамматикой и словарем, взаимопонимание носителей языка. Для иноязычного пользователя актуализируемая в ассоциативно-вербальной сети пара $S \rightarrow R$, которая несет такого рода сведения, как правило, нерасшифровываема...» [Караулов 1994б: 197]. Эта информация относится к разным областям культуры.

Больше всего ассоциативных пар, несущих информацию из области литературы. Самая многочисленная группа – это прецедентные тексты (имена персонажей). Ими испытываемые лица, как правило, достигают «максимум смысла в минимуме объема» [Караулов 1993:

241], так как, приводя в качестве реакции имя персонажа, они указывают, с одной стороны, на объект, для которого характерно определенное свойство, а с другой – отсылают к проблематике всего произведения, к авторским предпочтениям и т.п. Например: р. ВЕСЕЛЫЙ – *Буратино*; р. ДЕРЕВЯННЫЙ – *Буратино*; р. ЧИСТЫЙ – *Буратино*; р. ВЫСОКИЙ – *Дядя Степа*; р. ГОРДЫЙ – *Буревестник*, *Сокол*; р. ДОБРЫЙ – *Золушка*. В других случаях имя персонажа со стимулом связано не на смысловой основе, а на формальной, например: р. БЕЛЫЙ – *Бим* (ср. Белый Бим). Формальное основание намечается и в модели слов р. *молодой ПОВЕСА*, содержащей в имплицитном виде информацию о Евгении Онегине – герое романа А.С. Пушкина.

Другими способами задания в ассоциативно-вербальной сети прецедентных текстов являются название литературного произведения, например: р. БЕЛЫЙ – *пароход* (ср. «Белый пароход»), р. О ЧЕЛОВЕКЕ – *настоящем* (ср.: «Повесть о настоящем человеке»); имя или псевдоним автора, например: р. НОСОВ – *детский писатель*; р. БЕЛЫЙ – *Андрей* (ср. Андрей Белый); б. ГОРД – *Байрон*, *Ботев*, *Вапцаров*; б. ЧУЖДЕСТРАНЕН – *Жан-Пол Сартр*; цитата или выразительный намек на цитату из произведения [Караулов 1994б: 197], например: р. ДЕРЕВЯННЫЙ – *Здравствуй, дерево!*, р. ГРАЖДАНИН – *высокий* (ср. «...шел высокий гражданин маленького роста...»), р. ПОЛНЫЙ – *коробочка* (ср. «Ой, полна, полна, коробушка...»). Намеками на цитаты являются и б. ТЪМЕН – *субект* (ср. «наречаха метъмен балкански субект...») – цитата из защитной речи Георгия Димитрова на Лейпцигском процессе 1933 г.), б. ЧИСТ – *свят* (ср. «за чиста и свята република» – слова Васила Левского), они хорошо известны носителям болгарского языка из документальных и художественных произведений и широко употребляются как крылатые выражения.

В нашем материале есть отсылки и к знаниям из других областей культуры, например р. ВЕСЕЛЫЙ – *Ч. Чаплин*, р. ГОРДЫЙ – *Жерар Филипп*, р. ВЕСЕЛЫЕ – *ребята*, б. ИЗВЕСТЕН – *Холивуд*, р. СИЛЬНЫЙ – *Реки* (киноискусство); р. БОЛЬШОЙ – *театр* (театр); б. ВЕСЕЛ – «*Захарно петле*» (телевидение); б. ИЗВЕСТЕН – *като Елвис Пресли*, б. *весел* – ЮНОША (ср. «...един юноша весел...»); б. ДЕТСКИ – *Арлекино* (эстрада); р. ПРЕКРАСНЫЙ – *Елена* (история);

р. ЧИСТЫЙ – *Дева* (ср. Пречистая Дева), б. ГОРД – *Пророк Йоан* (религия); б. ГОЛЯМ – *Сечко* (фольклор); р. *иностранный* – ЛИТЕРАТУРА (ср. «Иностранная литература» – название русского журнала), р. НОВЫЙ – *мир* (ср. «Новый мир» – название русского журнала), б. НОВ – *ден* (ср. «Нов ден» – название болгарской газеты), б. *нова* – СВЕТЛИНА (ср. «Нова светлина» – название болгарской газеты) (пресса) и т.п.

На материале наших экспериментов можно судить и о наборе знаний в разных областях науки. Самым распространенным способом их вербального представления являются термины. В качестве иллюстрации приведем некоторые примеры: р. БЕЛЫЙ – *гриб*, р. БЕЛЫЙ – *кирпич* и б. БЯЛ – *люляк*, б. БЯЛ – *червей*, б. *бял дроб*; р. РАКЕТНЫЙ – *метеоритный, кометный, ядерный, атомный...* и б. РАКЕТЕН – *ракетостартер, реактивен, ядрен...* и т.п.

Информация об актуальном состоянии общественной жизни, политики, экономики тоже отражается в сознании носителей языка. Это можно проследить на примерах типа б. *бяла* – КНИГА, б. СВОБОДЕН – *пазар*, б. СВОБОДЕН – *честен* (ср. Сдружение за свободни и честни избори) и т.п.

Итак, в результате сопоставления зафиксированных в нашем материале элементов когнитиконов русской и болгарской языковых личностей было установлено, что подавляющее большинство соответствий – это отношения сходства вербальной формы выражения знаний о мире в обоих языках, что свидетельствует о близком родстве этих языков и культур. С другой стороны, отмеченные различия указывают на факты в одних случаях значительных, а в других – еле уловимых расхождений в «картинах мира» – результат историко-культурного и общественно-политического развития носителей языков в соответствующих странах. Сведения как о расхождениях, так и о сходствах являются необходимым условием для понимания прочитанного/услышанного на языке, являющемся для читателя/слушателя неродным, а также условием для продукции иностранцем текстов, с тем чтобы они были адекватно восприняты читателями/слушателями, для которых данный язык является родным.

ЛИТЕРАТУРА

- Караулов 1987 Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва: Наука, 1987. 264 с.
- Караулов 1992 Караулов Ю.Н. Некоторые наблюдения над русским языком зарубежья // *La revue russe*, 1992, n° 3, 31–54.
- Караулов 1993 Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. Москва: Русский язык, 1993. 330 с.
- Караулов 1994а Караулов Ю.Н. От структуры ассоциативного словаря к структуре языковой способности // *Вестн. РУДН. Сер. Филология, журналистика*. 1994. № 1. С. 15–26.
- Караулов 1994б Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // *Русский ассоциативный словарь*. Т. 1. Авторы-составители: Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.С., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Москва: ИРЯ РАН, 1994. С. 191–218.
- Лакофф 1981 Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 10. Москва, 1981. С. 350–368.
- Петренко 1988 Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. Москва: МГУ, 1988. 208 с.
- Хофман 1986 Хофман И. Активная память: Экспериментальные исследования и теории человеческой памяти. Москва: Прогресс, 1986. 312 с.